

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 6

1953

А. ТВАРДОВСКИЙ

**ПОСЛЕВОЕННЫЕ
СТИХИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

А. ТВАРДОВСКИЙ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СТИХИ

1946 — 1952

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1953

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 года в деревне Загорье, Смоленской области, в семье кузнеца. Учился в сельской школе.

С 1928 года А. Твардовский работал в Смоленске в областной газете. В 1930 году вышла отдельной книгой его поэма о колхозе «Путь к социализму» («Молодая гвардия»). В 1934—1936 годах им была написана поэма «Страна Муравия», удостоенная в 1941 году Сталинской премии второй степени.

По окончании Московского историко-философского института в 1939 году А. Твардовский участвовал в освободительном походе Советской Армии в Белоруссии и в финской кампании 1939—1940 годов в качестве специального корреспондента армейской печати.

Во время Великой Отечественной войны А. Твардовский работал во фронтовых газетах. В 1941—1945 годах написал поэму «Василий Теркин», отмеченную в 1946 году Сталинской премией первой степени. В 1947 году за поэму «Дом у дороги» А. Твардовскому присуждена Сталинская премия второй степени. В 1951 году изданы его «Стихотворения и поэмы в двух томах» (Гослитиздат).

А. Твардовский — член Коммунистической партии Советского Союза с 1938 года. На XIX съезде партии он избран членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.

А. Твардовский является депутатом Верховного Совета РСФСР.

А. Твардовский награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны.

Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимую сорок первого;

и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы.

И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,

А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти,

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немymi.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948.

КРЕМЛЬ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою
С крутой Ивановой главой
И с тенью стен сторожевою.

Кремль зимней ночью при луне,
Ты чуден древностью высокой
И славен с нею наравне
Недавней памятью жестокой,

Недавней памятью ночей,
Когда у западной заставы
Курились дымы блиндажей
И пушки ухажи устало;

Когда здесь были фронт и тыл
И в дачных рощах Подмосковья
Декабрьский снег замешан был
Землей, золой и свежей кровью.

Кремль зимней ночью, на твоих
Стенах, бойницах, башнях, главах
И свет преданий вековых
И свет недавней трудной славы.

На каждом камне с той зимы
Как будто знак неизгладимый
Всего того, чем жили мы
В тревожный час земли родимой.

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

До дней далеких донеси
То отраженье, гордый камень,
И подвиг нынешней Руси
Да будет будущему в память!

Да будет славой вековой
Он озарен, как ты луною.
Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою!

1946.

МОСКВА

Зябкой ночью солдатской
В сорок первом году
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.

Грохот фронта бессонный
Шел как будто бы вслед.
Редко встречной колонны
Скрытый вспыхивал свет.

Тьма предместий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.

И просились простые
К ней из сердца слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

В эти горькие ночи
Ты поистине мать,
Та, что детям не хочет
Всей беды показать,

Та, что жертвой безгласной
Не смирится с судьбой,
Та, что волею властной
Поведет за собой.

И вовек не склонится
Твоя голова,
Мать родная, столица,
Москва, Москва!

Память трудной години,
Память боли во мне.
Тряский кузов машины.
Ночь. Столица в огне.

И, как клятва, святые
В тесном горле слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на запад,
Спал и ел на ходу.

В шесть рядов магистралью
(Не вмещает – узка!),
Громяхючи сталью,
Шли на запад войска.

Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.

Шла, исполнена гнева,
В тот, в решающий бой.

И гудящее небо,
Точно щит, над собой

Высоко проносила...
— Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва, Москва!

Память горя сурова,
Память славы жива.
Все вместит это слово:
«Москва! Москва!»

Это имя столицы,
Как завет, повторим.
Расступились границы,
Рубежи перед ним...

Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Мать родная, столица,
Крепость мира, Москва!
1947.

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

I

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слышали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходитья народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охалками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной

Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожика,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

Решимость нести его знамя,
Идти его верным путем.
И сталинской клятвы словами
Поведали миру о том.

II

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

И нет ему вовсе предела.
Не четверть ли века ушла —
А разве та боль отболела
И менее нам тяжела?

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища, — нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Уже пол-Европы идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих,

Что видел он, нам завещая
Вести до победы борьбу
И Сталину смело вверяя
Народную нашу судьбу.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.

И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

III

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы,

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была,

Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.

Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабей,
Я с чувством единственным лег.
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог,

И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому.
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такую заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.

И к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1949.

О СТАЛИНЕ

I

Когда свое он произносит слово,
Нам всякий раз сдается, что оно
И нашей мыслью было рождено,
И вот уж было вылиться готово.

Нам в ту минуту как бы невдомек
В невиннейшем из наших заблуждений,
Что только он, при нас живущий гений,
Открыть и молвить это слово мог.

Но заблужденье ль это в самом деле?
Ведь слово нашей правды без прикрас
Мы высказать поистине хотели,
Мы вместе с ним. А он — один из нас.

И в том твое доподлинное счастье,
Что, может, рядовой из рядовых,
Ты сталинскому гению причастен,
И ты в веках — живой среди живых.

II

Таких, как я, на свете большинство,
Что не встречались с ним в Кремлевском зале,
В глаза вблизи не видели его
И голоса в натуре не слышали.
Но всем, наверно, так же, как и мне,
Он близок равной близостью душевной,
Как будто он с тобой наедине
Беседует о жизни ежедневно,
О будущем, о мире и войне...

И все тебе, как у родного, в нем
До мелочи привычно и знакомо.
И та беседа длится день за днем —
Он у тебя, ты у него — как дома.
Что б ни было, а вы всегда вдвоем.
И так любой иной из большинства
Себя в высоком видит том совете.
У нас у всех на то равны права,—
Он и живет для нас на этом свете.

III

Черты портрета дорогого,
Родные каждому из нас:
Лицо солдата пожилого
С улыбкой доброй строгих глаз.
Из тех солдат, что приходили
В огонь войны из запасных,
Что сыновей в бои водили
И в горький час теряли их.
И долгой службы отпечаток —
Морщинок памятная речь
Подстать усталости покатых,
Отцовских этих милых плеч.
Но те, смягченные печалью,
Глаза всегда освещены
И ближним днем и дальней далью,
Что лучше всех ему видны.

IV

Глаза, опущенные к трубке,
Знакомой людям всей земли.
И эти занятые руки,
Что спичку с трубкою свели.
Они крепки и сухощавы,
И строгой жилки вьется нить.
В нелегкий век судьбу державы
И мира им пришлось вершить.

Усов нависнувшею тенью
Лицо внизу притемнено.
Какое слово на мгновенье
Под ней от нас утаено?
Совет? Наказ? Упрек тяжелый?
Неодобренья горький тон?
Иль с шуткой мудрой и веселой
Сейчас глаза поднимет он?
1950—1952.

СВЕТ – ВСЕМУ СВЕТУ

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видал я это
В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Пресека вдаль
Уносились, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье
Дымы, дымки,
Колошенье, движенье.

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор – не табор,
Город – не город.

Горное эхо
С гомоном слитно.
— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно.

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски.

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело не легкое,
Дело мужское.

Но, погляди,
Управляются быстро,

Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но погляди
На девчонок — не чудо ль?
Что за веселая,
Дружная удаля!

Вот на минутку
Спины расправят,
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Двигается к яме.

Глина нарытая —
Груда на груде.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни,—
Народная стройка.

— Лихо копаете!
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу.
Что-то мы вас
Не видали ни разу?

– Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты!
Ну, так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно,
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И, повторенное
Тысячеустно,
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
– Свет добываем!
– Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

1949

МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,

Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо.
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты...

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов.

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали,

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,
Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом...

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут – и с ней сегодня краше –
О том, что мы в грядущем есть –
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет,
Но и земля поет под нами.

1950.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона.

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Мы на себя по доброй воле взяли
Тот самый трудный новоселья срок,
Что все вмещает беды, и печали,
И радости нехоженых дорог.

Земле своей мы посвятили годы
Труда, терпенья, и давным-давно
Ее сады, поля, дворцы, заводы,
И все, что нами здесь возведено,

И все, чему мы отдавали силы,
Чтоб устоять и победить на ней,
И наших братьев и отцов могилы –
Ее бойцов, ее богатырей –

Навек сроднили нас с землею нашей.
И мы ей служим, чтоб и после нас
Ей все цвести зазывнее и краше,
Чтоб свет ее для мира не погас,

Чтоб добытый в борьбе, в труде суровом
Тот свет светил вперед на много лет
И чтоб за нами поселенцам новым
Не все сначала повторять вослед.

1951.

О ВЕСТЯХ ИЗ НОРВЕГИИ

В этой северной горной стране,
По дороге от аэродрома,
Было многое попросту мне
С первой встречи до боли знакомо.

Я бы раньше представить не мог,
Что увижу, попав на чужбину,
Этот мокрый еловый лесок,
И подлесок — ветлу и рябину,

И зеленую щетку травы,
Той младенчески свежей, трехдневной,
Что увидишь весной у Москвы
И любой среднерусской деревни.

Точно я уже некогда был
В этом, сроду не виданном крае,
Точно я его знал и забыл
И, увидев теперь, вспоминаю.

И в новинку у этой земли
Моему представлялися взору
Только горы, что в море зашли,
Или море, что врзалось в горы.

Мать Отчизна, до края души
Полон чувством, щемящим и гордым,
В чужедальней скалистой глуши,
Над безвестным каким-то фиордом.

На могилах твоих сыновей,
Притаив подступившие слезы,

Я увидел венки из ветвей
Чуть раскрывшей листочки березы.

Мне сказали, что принято так,
Что такие венки приносили
Как особый, как избранный знак
Благодарного чувства к России...

Видел я: приходили туда
В жестких куртках и обуви грубой
Молчаливые люди труда –
Моряки, рыбаки, лесорубы.

Приходили их жены толпой,
Старики и с учителем деги.
А с великой любовью какой
Были убраны холмики эти!

Был подобран, уложен в ряду
Возле кладбища добытый камень,
Чтобы вывести нашу звезду,
Серп и молот своими руками.

Это делал признательный друг,
Оставаясь для нас безымянным.
Это подписью было тех рук
Под воззваньем о мире желанном.

И легко ли, о Родина-мать,
Если сердце доступно для боли,
Те могилы теперь вспоминать,
Те цветы и венки!

И легко ли

Матерям, потерявшим детей,
Похороненных там, на чужбине,
Слышать дикую правду вестей,
Что оттуда доносятся ныне!..

Прах погибших героев киркой
Потревожен и вырыт казенной.

Оскорблен их священный покой,
Славой, смертью самой огражденный.

Не лежать им отныне в земле,
За которую пали солдаты.
На жандармском глухом корабле
Их поспешно увозят куда-то,

Чтоб зарыть в недоступной дали,
Чтоб развеять народную память,
Чтобы дети уже не могли
Приходить к их могилам с цветами,

Чтоб забылась их слава бойцов
За свободу и мир для народа,
Чтоб ее запереть на засов
И не дать ей в Норвегии хода.

Но со славой такой не шути,
Даром замысел будет постыдный.
На каком корабле увезти,
На какой ее остров пустынный!

Все труды и старанья не впрок,
Тут не более будет успеха,
Чем в попытке упрятать в мешок
Перекатное горное эхо...

Но указка хозяев – закон,
Холуям его строгость знакома.
И на рейде союзный линкор
Пребывает, красуясь, как дома.

Что ж, спешите могилы сравнять,
Утоптать этот щебень шершавый,
Чтоб удобнее было взлетать
Самолетам известной державы.

Управляйтесь с ночью своей
Работенкой, предписанной свыше,
Ни своих, ни чужих матерей
Не щадите – пусть видят и слышат.

Обмануть не старайтесь детей
Ветхой ложью в свое оправданье —
Так и так поколения людей
Назовут вас по имени: дрянью.

Это слово для вас приговор,
Сохраняющий силу навеки,
За неслышанный горький позор
Старой бедной Норвегии...

1951.

* * *

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучен от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовет влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь,
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чье-то горе обратить забаву,
В труде схитрить, солгать, обидеть мать,
С недобрым другом поравняться славой,—

То прежде ты — завет тебе один —
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын!

1949—1951.

* * *

Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травой, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей вдруг в тишине
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето.
Любимая с детства пора.
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.

Я все это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни —
Пастушеской радости срок.

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты.

И вкус горьковато-медовый —
Забавя ребячьей поры —
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры.

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу.

Мне память иная подробно
Свои предъясняет права.

Опять маскировкой окопной
Объялая пахнет трава.

И запах томительно тонок,
Как в детстве далеко моем,
Но с дымом горячих воронок
Он был перемешан потом,

С угарною пылью похода
И солью солдатской спины.
Июнь сорок первого года,
Кипящее лето войны!

От самой черты пограничной —
Сражений грохочущий вал.
Там детство и юность вторично
Я в жизни моей потерял.

Утратил я память июня,
Заветную память мою.
А сверстник — и детство, и юность,
И все остальное — в бою.

Тружусь, и живу, и старею.
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга,

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я,—
Жестокая память жива.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

1951.

ЗА ОЗЕРОМ

За озером долго играла гармонь,
Как будто бы жалуясь кротко
На то, что еще неохота домой,
Что рано уснула слободка.

Там юность грустила, собою полна,
Своей непочатою силой,
Зеленая юность, чье детство война
Огнем на корню опалила.

Та юность, которой, казалось, не быть,
А вот она к сроку настала,
Чтоб жить, и желать, и дерзать, и любить,
И все — начиная сначала.

Та самая юность грустила. И — пусть.
Завидная, в сущности, доля,
Когда эта сладкая, краткая грусть
За сердце берет молодое.

Завидная доля — на том берегу,
С улыбкой, ко всем благодарной,
Устав танцевать на дощатом кругу,
Сидеть на скамейках попарно.

Попарно бродить в предрассветном дыму
За озером в парке старинном.
А грустно, по правде, лишь мне одному,
И то — по особым причинам.

1951.

* * *

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с каждой соломинки,
С каждой ветки.

Поет по-зимнему улица,
Но свету — что летним днем.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном.

И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,
Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.

Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв.
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.

Апрельским ветром подунуло,
Запахли водой снега.
И дело свое задумала
Река, упершись в берега.

Ей грезится даль раздольная,
Ее минута близка...

Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай, начинай, разламывая
Натоптанный лед рябой...

А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

1951.

О ПРОПИСКЕ

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу.

Чтобы мне не вестать той печали,
Как ответят у любых ворот:
— Нет, не проживает. Не слышали.
Номер дома, может быть, не тот.

Чтоб везде по селам и столицам
Отвечали на вопрос о ней:
— Как же, есть. Давнишняя жилица. —
И улыбки были б у людей.

Чтоб глаза у стариков яснили,
Чтобы к слову вставил не один:
— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин.

Чтоб детишки из любого дома,
Если к ним случайно обращаюсь,
Говорили б:
— Как же, мы знакомы
И немножко знаем наизусть.

Чтобы не с почтеньем, а с любовью
Отзывалось каждое жильё:
— Здесь она. На доброе здоровье
Здесь живет. А как же без нее?

Вот тогда, как отзыв тот желанный,
Прозвучит о ней, моей родной,
Я и сам пропиской постоянной
Обеспечен буду под луной.

1951.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела».

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилку:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волнением неизвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью — и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною, хотя бы заочно,
Верьте со мною в удачу мою.

1951.

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права,
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу Большую — совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно —
И мы не старше ее.

1951.

ПЕСНЬ О МОСКВЕ

В дорогу, в полет и плаванье
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое главное,
Беру целиком с собой.

И нынешнюю, и древнюю,
Что нам пришлась ко двору,
Рабочую, ежедневную
И праздничную беру.

Со старой и новой славою
Беру ее, не деля,
С ее соборными главами
И звездами Кремля.

Великую и всечасную—
В мороз ли, в дождь иль жару—
Беру ее с площадью Красною
И Красной Пресней беру.

С ее исконной Трехгоркою,
С Садовым ее кольцом,
С бессонной улицей Горького
И с Пушкиным— к ней лицом.

С подземными магистралями,
Гудящими, как струна.
Большую—с заводом Сталина
И малую—в три окна.

С мостами, дворцами, парками,
Садами, рынками в ней,
Со всеми ее подарками,
Новинками мирных дней.

С ее высотными зданьями,
Поющими на ветру.
С рекой того же названия
И с морем ее беру.

С каждой ее заставою
И пригородом любым—
Беру по высшему праву я,
Что счастьем зову своим.

Нет, я не пропискою
Извечной сроднился с ней.
Столица—дело не близкое—
Была у судьбы моей.

Нет, я из тех, что смолоду
В далеких отчих местах

Мечтали у этого города
Хотя б побывать в гостях.

И даже, сказать по совести,
Из тех заявившись мест,
Дичились ее по новости,
Хоть знали: своя, не съест...

И до сих пор попрежнему
В торжественной повизне
Москва, как новоприезжему,
Нет-нет, и явится мне.

Как будто дорога дальняя
Ушла из-под ног едва:
Вот площадь тебе вокзальная,
И—здравствуй, город Москва!

Я в годы мои зеленые
Вступил на ее порог,
Но это чувство смущенное
Доныне в душе сберег...

Не помню, в каком я возрасте
Впервые, как все слова,
В моей захолустной волости
Услышал слово «Москва».

Москва не древнедержавная,
Что где-то в веках взялась,
А эта, своя, где главная
Живет Советская власть.

Москва, моя мать приемная,
С тех пор и до наших дней
Уже без тебя не помню я
Себя и судьбы своей.

Ты в детство мое оставила
Солдатский перст со стены,
С плаката взывая старого
Времен гражданской войны.

Шубенку надев нагольную,
С обломком карандаша
Над партой стояла школьною,
Морозным паром дыша.

Великого вестник времени,
И в нашем глухом селе
Ты речи вела о Ленине,
Что жил у тебя в Кремле.

Несла свое слово вещее
В тот отчий край горевой
Дорогой конной и пешею,
Попутной людской молвой...

Как будто совсем недалнее,
Как будто — рукой подать
То время мое начальное,
Ребятчих стихов тетрадь.

Но сколько годов отпрянуло,
Но сколько в мире с тех пор
Громов небывалых грянуло,
Подвинулось с места гор!..

Меж той страничкой заглавную
И нынешней — наугад —
Часть века вместились, равная
Векам, поставленным в ряд...

Куда там молодо-зелено,
Не прежний у сердца пыл,
А все ли, что долгом велено,
Исполнено в меру сил?

Чтоб мог без зазренья ныне я,
Москва, наставница-мать,
От твоего имени
Слово к людям держать.

Хоть слово еще не сказано,
Но верю: скажу, смогу,

Мечтою тебе обязанный
И весь у тебя в долгу...

В дорогу — к чему мне лишнее, —
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое личное,
Беру целиком с собой.

Со всею красой безмерною,
Величьем мирных работ
И с памятью сорок первого,
Что был у ее ворот...

Со всеми гордыми датами
Побед на пути большом,
Со всеми ее утратами,
Что в сердце ношу своем.

Со всеми счастья минутами,
Которым забвенья нет.
Со всеми ее салютами
Былых и грядущих лет.

Беру целиком. И еду я
На Запад ли, на Восток,
Я чувю, за мною следуя,
Течет ее ровный ток.

За всеми страны пространствами —
Единый закон родства:
Любая малая станция —
Она про себя Москва.

Какая ни есть особая
Краина земли родной,
По образу и подобию
Живет одному с Москвой...

И пусть себе так, я думаю,
Что в странах иных молва
Державу мою, страну мою
Обычно зовет: Москва.

Москва — вот книга открытая,
Что правдой в мире сильна.
Весь мир у нее под защитою,
У мира всего — она...

Довольно той славы убыло,
Какою кичится враг,
Но славен дворцового купола
Кремлевский красный флаг.

Та слава Лениным ставлена,
Вовеки она жива,
Как дело его и Сталина,
Как имя твое, Москва.

1952.

СОДЕРЖАНИЕ

В тот день, когда окончилась война	3
Кремль зимой ночью	6
Москва	7
Памяти Ленина:	
I. «В глухую, безвестную волость...»	9
II. «Есть горе души одинокой...»	12
III. «Не тысяча лет миновала...»	14
О Сталине:	
I. «Когда свое он произносит слово...»	16
II. «Таких, как я, на свете большинство...»	17
III. «Черты портрета дорогого...»	17
IV. «Глаза, опущенные к трубке...»	18
Свет — всему свету	18
Мост	21
Новая земля	23
О вестях из Норвегии	24
«Солдатский сын, что вырос без отца...»	27
«Повеет в лицо, как бывало...»	28
За озером	30
«Весенний, утренний, тоненький...»	30
О прописке	31
Перед дорогой	32
О юности	33
Песнь о Москве	34

Редактор — **Г. ЯРЦЕВ.**

А-01733. Подписано к печати 21/II 1953 г. Тираж 150 000. Заказ 204.

Изд. № 159. Формат бумаги 70 × 108¹/₂. 0,62 бум. л. — 1,71 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды». 24.

Цена 50 коп.